

Нестрашный суд

Сегодня. - 1994. -
19 апр. - с. 15.

К завершению реставрации Сикстинской капеллы

Нью-Йорк

Петр Вайль

то значит в живописи цвет, я однажды очень ошутимо понял, находясь во флорентийской церкви Санта-Феличита. Среди обычных темноватых изображений в одной из капелл южного придела вдруг засверкали краски. Я пошел на сияние, убеждаясь с каждым шагом, что происходит нечто неправильное, по крайней мере, необыкновенное. То, что издали казалось веселой детской картинкой, кадром из мультфильма, было на самом деле одним из трагичнейших сюжетов мирового искусства — «Снятие с креста». Вблизи чувство возникало еще более странное: антураж, позы, скорбное выражение лиц — все было по канону. Но золотистые кудряшки, а главное, оранжевые, голубые, салатные, канареечные одежды давали безошибочное ощущение легкости, беспечности, праздника. Форма наглядно торжествовала над содержанием.

Таков Понтормо — один из ранних итальянских маньеристов. Но теперь нечто подобное произошло с его куда более прославленным современником — Микеланджело. Только что папа Иоанн-Павел Второй представил миру целиком отреставрированную Сик-

стинскую капеллу, и стало ясно, как радикально изменился самый знаменитый в мире интерьер.

14 лет японцы трудились над расчисткой фресок, применяя новейшие компьютеры (японец без компьютера — как японец без фотоаппарата; мне на днях рассказали грустную историю об американце, который осрамился в доме своего токийского знакомого, не справившись с компьютером для спуска воды). Главный результат: изображенный Микеланджело Страшный суд перестал быть страшным.

Голубое небо, белоснежные облака, розовые тела спортивных мужчин и упитанных женщин — бояться нечего. Нам говорят, что теперь мы видим роспись именно такой, какой создал ее художник, это перед ней в 1541 году встал на колени другой папа, Павел Третий. И вообще, по всему миру, где позволяют средства, классику освобождают от «коричневой подливки», в которой она плавала столько лет. Но подливка не только заменяла взгляд, но и просветляла воображение.

Как учит Ролан Барт, «интерпретировать текст — это не значит придать ему единственный смысл, напротив, это значит оценить, к какому множеству он принадлежит».

Микеланджеловский «Страшный суд» принадлежал к евангельскому, библейскому кругу и в этом качестве нес колоссаль-

ную этическую, помимо эстетической, нагрузку. Теперь его ряд — по преимуществу декоративный. Вместе с Понтормо и, скажем, Матиссом расчищенный до ослепительной яркости Микеланджело, как бы это кошунственно ни звучало, примыкает к той же категории, что и стенные обои.

Понятно, что Павел Третий преклонял колени не перед обоями, но функции и церкви, и живописи четыре с половиной века назад были совершенно иными, чем теперь. А главное — ходили в церковь и смотрели на живопись совершенно иные люди. Храм был многофункциональным ядром притяжения: туда приходили за всем сразу, в частности, и за тем, для чего у нас теперь телевизор. Но нам сегодняшним не взглянуть глазами людей прошлых эпох и не стать ими — невозможно, да и вряд ли нужно.

После смерти Микеланджело многие написанные им в Сикстинской капелле обнаженные тела скрыли: пририсовали покрывала — сорок штук. Сейчас, при полной расчистке и восстановлении первоизданного оригинала, двадцать три покрывала оставили. Легко упрекнуть Ватикан в лицемерии и ханжестве, но нельзя и не посоветовать: в те времена церковь была безраздельно господствующей идеологической силой и могла позволить себе вольности, сейчас она вынуждена вести себя осмотнительной. Учитывать, напри-

мер, что в те времена не было иных публичных мест с изображениями голых женщин и мужчин, сейчас это зрелище доступнее. Оттого нынешний папа и должен был в своей речи построить красивую, но не слишком убедительную концепцию «телесного богословия», чтобы обосновать разгул плоти, открытый католикам японцами.

Что до искусства, не знаю, какие ощущения владели душой человека Ренессанса, но нам для значительности необходима тайна, загадка, недоговоренность. Слой недосказанности на росписи Микеланджело вполне материален — лампы, печи и свечи — но разве свеча в Сикстинской капелле это просто свеча? И то, что она там коптила четыре с половиной века подряд, — это факт культуры.

И вообще — нужно ли и возможно ли бороться с течением лет? Этот вопрос возникает каждый раз, когда я вижу вычищенный пескоструйными машинами собор. Безнадежны как попытки прорваться в будущее, так и укрываться в прошлом — не помогут ни ракета, ни колокольня.

Да, наши предки строили собор таким, каким мы теперь заново сделали его — желтеньким, но нам-то он достался сереньким. А копыт столетий легла не только на стены, но и на человека, и мы собору достались такими, какие мы есть — цвета времени.